

Сергей Петров

Практикант

Рассказ

1

Климов тушит окурок в пепельнице. Пепельница у него коричневая, в виде башмачка. С надписью «Ессентуки, 1974» на боку.

— Лупить их надо, — произносит он, — вот и вся тактика.

Коля молчит. Парень воспитанный, он знает, когда ты в гостях, хозяину перечить неприлично.

Климов здесь действительно хозяин. Старший оперуполномоченный уголовного розыска Климов. Мужчина чуть за тридцать, с бритым затылком и мордой бульдога, он облачен в слаксы и рубаху с короткими рукавами. Коля заметил, что все опера райотдела одеваются так, будто это не райотдел, а инкубатор.

Климов делит кабинет с казаком Жангали. Казах Жангали тоже опер. Но не старший. У Жангали доброе лицо. Он относится к напарнику с истинно восточным почтением и понимает его с полуслова. Климов называет его Жан. Иногда — Жанчик.

— Дай-ка эту трихомудию, Жанчик.

Казах протягивает напарнику пакетик «Юппи», церемонно наклоняя голову. Климов отрезает край пакетика ножницами и высыпает порошок в граненый стакан. Вода окрашивается в желтый цвет.

— А если вы сюсюкаться с ними будете, — продолжает свою лекцию Климов, — тип их темперамента определять, — отхлёбывает он приготовленное пойло, — не успеете ни хера, в глухарях зарастёте. Здесь — райотдел, конвейер. Некогда в пинкертонов играть... Понятно вам это, товарищи слушатели омской высшей школы милиции?

— Так точно! — рявкает из своего угла Першин.

Першин — Колин напарник по стажировке. По твердому Колиному убеждению, Першин — дебил. Ну или полудебил. Поговорить с ним совершенно не о чем. Даже совместно помолчать стрёмно.

Першин, или Першинг, как его называют однокашники, приехал в Омск из Кемерово. Его жизненные интересы — поспать и выжрать.

Когда Першин устает от бухалова и сна, он идет в спортзал и долбит грушу.

— В розыск я не хочу, — честно признаётся он, — суд, прокуратура — туда надо... Или — в ГАИ! Гаишники всегда при бабках!

Сергей Петров — родился в г. Александрии (Украина). В 1996 году окончил Омскую высшую школу милиции, работал следователем в Тамбове, радиоведущим в Москве. В настоящее время — ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России. Публиковался в журнале «Московский вестник», сотрудничал в качестве сценариста с телевизионным сатирическим журналом «Фитиль». Живет в г. Жуковском Московской области.

Логика присутствует в словах Першинга. Но всё-равно Першинг – дебил. Какого хрена их отправили на практику вместе?

Коля – ленинградец. Он слушает Гребенщикова, читает книги и играет в футбол. Коля может говорить голосами разных политических деятелей. Горби, Ельцин, Ильичи и Сталин, — текст он лепит на ходу, получается смешно.

Учиться Коле тоже интересно. Криминалистика – ядро притяжения его ученических устремлений. Тактика допроса, очной ставки, все криминалистические премудрости Коля впитывает в себя как губка. Он очень хочет стать хорошим опером или следователем. Поэтому проповеди Климова воспринимаются им как чистой воды дилетантство, тупой бычий подход.

По Климову, выходит, что преступление можно раскрыть быстро, не выходя из кабинета. Дал в зубы, и тебе всё рассказали.

Коля с этим не согласен.

Плох тот опер, который добывает признание кулаками. Этому их учит преподаватель по криминалистике Хабаров – солидный мужчина, отслуживший в уголовном розыске и БХСС лет двадцать, не меньше. Хабаров больше, чем опер. У него классический типаж разведчика. Он носит затемненные очки и курит «Marllbogo». Его форма всегда тщательно выглажена. Его словам Коля верит куда больше, чем проповедям Климова – обсоса в мятых слаксах и рубахе с застиранным воротником.

А вот Першин слушает Климова с упоением. Глядя на него, можно подумать, что он изменил своим приоритетам, что ГАИ Першингу уже неинтересна.

— Так что будем переучиваться, — подытоживает Климов.

Он подмигивает казаху Жану, и Жан, сложив ладони рупором, орёт:

— Соколов! Эгей!

Прямо как чабан, думается Коле.

Соколов заходит в кабинет робко, озираясь. Бланш под глазом, невымытые волосы-сосульки, мятый костюм. Он напялил его на всякий случай, надеясь, что это расценят как уважение к власти.

— Догадываешься, зачем вызвали? — спрашивает его Климов, жестом предлагая сесть.

Соколов пожимает плечами, присаживается.

— Какой недогадливый, — ухмыляется опер, — ну, ничего. Поможем.

Он берет со стола исписанный лист бумаги и начинает декламировать:

— «Прошу привлечь к уголовной ответственности Соколова Артёма, который, в ходе распития спиртных напитков в моей квартире, тайно похитил видеомэагнитофон, причинив мне значительный материальный ущерб... Губкина Л. А.»...

Соколов разводит руками:

— Не брал я никакого видеомэагнитофона...

— Слышь! — начинает злиться Климов. — Вы у Любки всю ночь пили... Ты ушел последним! Какие еще могут быть варианты?

— Ну, да... Люба уснула. Я ушел... Там дверь, по-моему, открытой осталась...

Коля внимательно смотрит на Соколова. Пока ему непонятно — правда ли это или заготовка, алиби.

— Вот как? — Климов подходит к визитеру вплотную и неожиданно отвешивает ему крепкий подзатыльник.

Содрогнувшись всем телом, визитёр испуганно втягивает голову в плечи.

— Сейчас с тобой поговорят мои младшие братья. Прежде чем им врать, я советую подумать.

Произнеся эту пошлейшую киношную тираду, Климов выходит в коридор. На пост заступает казах Жан.

— Будешь говорить правду?

— Я правду говорю... Не брал я никакого видеомэгнитофона...

Жан задумчиво чешет затылок

— Встань, — приказывает он.

Соколов встаёт.

— Подойди к сейфу.

Соколов выполняет приказ.

Жан хмурит брови, и выражение его лица меняется. Добродушная физиономия чабана превращается в свирепый лик кочевника.

— Гоу-ух, — шипит он, сжимая пальцы правой руки в кулак.

Его прямой удар сопровождается резким выдохом в нос. Кулак пробивает грудину русского забулдыги, и тот начинает хватать ртом воздух, вытаращив глаза.

— Ну?

Не закрывая рта, Соколов отрицательно мотает головой.

Жан изумлён.

— Ты ох...ел?

Соколов молчит. Наверное, ему не хватает кислорода. А может быть, он просто не знает ответа на этот вопрос.

Жан открывает шкаф и достаёт деревянную вешалку.

— Не знал, что ты такой плохой человек! — говорит он. — Раздевайся!

— Зачем? — удивляется Соколов.

— Раздевайся, сука-б...! — верещит Жан.

Соколов поспешно снимает пиджак, расстегивает пуговицы рубашки и стягивает ее тоже.

Жан бьёт его вешалкой по ключице, плечам, голове. Жертва беспредела пытается защитить голову руками, и Жан долбит ею по рукам. Сжав вешалку обеими своими пальцами-сардельками, он наносит штыковые удары в забулдыжью грудь. Жертва падает на колени и тут же получает удар носком ботинка в лицо, заваливается на бок.

— Встать! — орёт взбесившийся казах, а взбешён он основательно. До такой степени, что забыл главную заповедь костолома — не оставлять следов от побоев.

— Швабру видишь? — горланит он, тыча пальцем в угол кабинета рядом со шкафом. — Знаешь, что я сейчас сделаю?

Однако раскрыть своё намерение он не успевает: заглушая его вокал, звонит телефон.

— Буртаев слушает! — деловым тоном произносит он в трубку. — Ага... Есть, Сергей Иванович, сейчас...

Он роется в бумагах, хватая какую-то папку и, проверив содержимое, выходит из кабинета.

— Поработайте с ним, — бросает он парням напоследок.

Парни переглядываются. Коля делает это машинально, Першинг — умышленно. Он смотрит испытующе, как бы пробивает Колю на «слабо», и Коля злится. Он решает, что займётся Соколовым сам, покажет этому мудаку Першингу, как правильно работать с задержанным.

Приблизившись к Соколову, Коля достаёт пачку сигарет и протягивает ему.

— Артём, напрасно вы молчите, — говорит он спокойно, вкрадливо, — мы знаем больше, чем вам кажется. Проще сесть и написать явку с повинной, Артём.

Он сразу же подмечает за собой ошибку. К таким, как Соколов, не нужно обращаться на «вы». Они не ценят этого, им чужда какая-либо интеллигентность. Возможно, их даже это настораживает, вызывает недоверие. Но переходить с «вы» на «ты» уже не с руки.

— Возьмите сигарету.

Нижняя губа Соколова разбита. Лицо его в крови. Плечи, грудь, живот — в царапинах и кровоподтеках. Упираясь спиной в сейф, он с ненавистью смотрит на Колю:

— Пошёл ты, — говорит он, — салага...

Першинга поражает припадок хохота. Он ржет, ударяя себя ладонями по коленям.

Такого ответа Коля не ожидал. Ему казалось, что бедолага достанет из пачки дрожащими пальцами сигарету. Он, конечно, не заплачет, как физик Рунге в «Семнадцати мгновениях весны», но адекватно оценит эту Колину мягкость. И начнёт говорить, прекратив уходить в тупик: «не брал я никакого видеоматрифона». А когда разговор начинается более или менее полноценный, появляется шанс если не получить признание, то поймать оппонента на каких-либо противоречиях. Так их учил криминалист Хабаров.

Однако этого не произошло. И что делать в этой ситуации дальше, Коля, убей Бог, не знает.

— Тактика допроса, х...! — продолжает угорать Першинг.

Соколов презрительно смотрит на Колю и кривит губы, пытаясь изобразить улыбку. Коля читает в его глазах три слова: «Ты не сможешь».

Господи! — внезапно доходит до Коли. — Да эти двое, они же — одно. Два быдла, признающие силу. Исключительно силу, и ничего больше. А ещё ему представляется, как Першинг стоит в институтской курилке и рассказывает одноклассникам про то, что он, Коля, меньшежанул. Что никакой он, на хрен, не опер, а гольный теоретик, только и всего.

Ослепленный, оглушенный, раздавленный своим гневом, он бьёт Соколова в область селезёнки. Тот охает, хватается за живот и сгибается пополам.

— Продолжай, — говорит Коля Першингу, — если хочешь.

— Легко, — отвечает Першин.

Словно кузнечик, он подпрыгивает к Соколову и растопыривает пальцы.

— Ну, чё, — ехидничает он, приподнимая подбородок Соколова, — поехали?

— Дайте... мне... подумать, — хрипит Соколов.

— Поздно думать, м...ило!

Першин принимает стойку и, слегка подпрыгивая, начинает боксировать. Сначала он бьёт Соколова легко, еле касаясь, затем удары наносятся сильнее, а потом Першинг изображает корявый пируэт и двигает ему в челюсть ногой, с разворота.

Неужели прав Климов? Неужели нельзя по-другому? Так, как учил Хабаров, солидный, представительный профессионал в дымчатых очках?

Климов, легок на помине, распахивает дверь пинком. В руке его пакет с продуктами.

— Ну? — спрашивает он. — Есть результаты, работнички?

Першинг потирает кулак.

— Нету пока.

— Нету, — передразнивает его Климов, — давайте прервёмся, пожрём. Присаживайся, Соколов! Жрать хочешь?

Соколов садится на стул. Он смотрит на Климова с уважением. Как на спасителя смотрит на Климова Соколов, понимает Коля. Дебил! Соколов! Ну, почему ты такой дебил?

— Не хочешь, как хочешь, — опер достает из пакета хлеб и колбасу, — порежь, — говорит Коле, — нож в тумбочке возьми. А ты, — говорит Першину, — вскипяти воды и завари чаю!

Климов закуривает и откидывается на спинку стула.

— Короче, Соколов, — к потолку поднимаются кольца дыма, опер, чуть смыкая-размыкая губы, становится похожим на карася, — мне нравится,

как ты держишься. Молодец... Я вот сходил на улицу, проветрился и подумал, а может... забудем об этом магнитофоне?

— Чего? — удивленно хрипит Соколов.

— Ничего... Ты безработный?

— Ну, да...

— Могу устроить. Бабки будут, стаж. Догадываешься, о чём я говорю? Помощники мне нужны! А то у вас в районе черт знает что творится. Скоро из гранатомётов шмалять начнут.

— Но я же...

— Да не бзди! В чеченскую банду внедрять не буду. Так, подсветишь кое-что...

Соколов кивает.

Коля понимает, что он созрел и согласится на всё, что угодно, лишь бы поскорее выбраться отсюда. Удивительно другое — почему Климов не стал его дожимать?

— Ну, и ладненько, — говорит опер великодушно, — вали домой. Завтра придешь в девять, оформим бумаги...

Соколов поднимает с пола грязную, мятую рубашу и надевает ее. Берёт в руки пиджак. Опустив голову, хрипя и шаркая, он покидает кабинет.

Климов сгребает на угол стола бумаги и принимает у Коли порезанную колбасу.

— Неувязочка вышла, — сообщает он, — встретил в дежурке опера из линейного отдела. Он эту Любку на вокзале с мафоном принял. Стояла пьяная, продавала... Вы налетайте, хлопцы, что стоите?

2

Коля пришел в общагу около девяти вечера и сразу же лег.

В полудрёме ему снова вспомнились слова Хабарова. На этот раз другие слова. Хабаров говорил о коллективе как о главной составляющей работы в уголовном розыске. Там всё делается коллективно: раскрываются преступления, пьётся водка, кадриятся бабы, — говорил он.

«Не факт, что вам сразу понравятся ваши коллеги, — предупреждал Хабаров, — вхождение в коллектив — штука тяжёлая, тем более — в такой коллектив. Но вы должны сделать так, чтобы они вам понравились. И вы им тоже. Поначалу будет тяжело, морально тяжело, неудобно. Потом вы привыкнете. Человек вне коллектива в розыске обречён на поражение».

Коля не мог себе представить, как это так, он будет пить с этими Климовым, Жаном, Першингом? Пить, дружить и становиться таким же деградантом? Ну уж нет... Засыпая, он умолял судьбу помочь изменить хоть что-то. Перевестись в другой отдел, заболеть, всё, что угодно, только бы не видеть этих рож и не чувствовать себя так же паршиво, как в тот день, в день Соколова.

И судьба подала ему знак. На следующий день Соколов не явился ни в девять, ни в десять. Климов отправил их за ним.

...Хрен вы его получите! — решил Коля. — И меня тоже — хрен!

Он скажет Першингу ждть у подъезда. А сам поднимется к Соколову. Першинг согласится, ему по хрену. А Соколову он скажет, чтобы тот валил куда-нибудь из города и не появлялся недели две-три. За это время Климов, с его текучкой, о нем позабудет.

— Вы к кому, молодые люди?

Бабки — вечные обитательницы околоподъездных лавок — сканируют их взглядами по вертикали и горизонтали.

— Соколов Артём здесь живёт? — осведомляется Коля.

— Жил, милки, — говорит первая бабка.

— Отмучился, — уточняет вторая.

— Минут сорок, как в морг увезли, — дополняет третья.

Коля смотрит на Першинга. Тот отводит взгляд в сторону и тихонько свистит. Коле хочется ударить Першинга прямо здесь, у подъезда.

Это они его били, — пытается успокоить себя Коля, — эти гестаповцы, уроды, они долбили его как грушу. А он ударил его всего один раз! Так, слабовато...

— А что случилось? Что домашние говорят?

Единственная цель его вопроса, глупая цель, в высшей степени глупая и циничная, — убедиться, что смерть не связана с их вчерашней встречей.

— Какие домашние? Один он жил, бедный. Жена была, ушла... вчера под вечер чуть ли не на карачках приполз, — крестится первая бабка.

— Да, — качает головой вторая, — говорила ж я ему... Опять надрался как свинтус, вот и получил от дружков своих, уголовников...

— Не был он пьяным, Елена Ивановна! — парирует третья бабка. — Не пахло от него!

— Был, не был, это уже без разницы...

Бабки синхронно вздыхают.

— Вы-то из милиции, поди?

— Из милиции! — неожиданно встревает Першинг.

— А-а-а, участковый-то был уже... Походил, походил и — ушёл...

— Вы уж найдите их, сынки... А то что ж это делается? Что за время такое настало сволочное?

— Найдут они... Ага... Они ж молодые, Степановна, посмотри... Самих убить могут...

Коля и Першинг разворачивают оглобли. Бабки говорят что-то еще. До Коли долетают отдельные слова, обрывки фраз. «Сталина на них нет...», «суки...», «пропил страну Борька...», «в наше время...» Всё это влетает в одно Колино ухо и вылетает в другое. Лишь одна фраза не может покинуть его мозг, цепляясь всеми изгибами и впадинами за его извилины: «Дохтур сказал — похоже на разрыв селезёнки».

По Колиной спине струится пот. Он заливает поясницу. Разрыв селезёнки. «Всего лишь один удар, — рассеянно думает Коля, — и разрыв селезёнки. Один мой удар. По одному человеку. Который жил один. И умер от одного удара в селезенку».

Они выходят на оживленный проспект. Солнце ласкает лучами их лица. Бабье лето. По улице прошла парочка симпатичных девчушек. Совсем недавно ленинградец Коля обозвал бы их крестьянками. Потому что они говорят положить, повешать и покласть. А сейчас он называет их девчушками. И Першинг называет их точно так же.

Яркий солнечный свет слепит глаза. Коля закрывает их и, спустя мгновение созерцания размытых красок, видит песочные часы. Их верхний резервуар пуст. Чья-то рука берёт часы и переворачивает. Тысячи песчинок отправляются в очередной миграционный путь...

Коля дёргает Першинга за рукав.

— Жека, — говорит он, — давай зайдём куда-нибудь вмажем? Я угощаю... По-братски...